

1855.

№ 55

ВЛВВВВВ

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ ТИФЛИСѢ: въ Типографіи, что на Александровской площади, а также въ Редакціи въ квартирѣ Редактора, и въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С. ПЕТЕРБУРГѢ: въ Газетной Экспедиціи С. Петерб. Почтамта. Въ МОСКВѢ: въ Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта. Во всѣхъ Губернскихъ Почтовыхъ Конторахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовое изданіе съ пересылкою 3 р. 50 к
Полугодовое 4 . 50 к
Объявленія печатаются съ платою за каждую букву по 1/4 коп. серебромъ.

16 Июля,

Суббота.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРАВЛЕНІЕ: Высочайшія приказы: по военному ведомству 27—30 іюля. Высочайшія Указы. Санктпетербургъ, 20 іюля. Извѣстія изъ Крыма. КАВКАЗЪ: Тифлисъ. ФЕЛЬТОНЪ: Новоселье Тифлискаго Коммерческаго Собранія. ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ: Извѣстія съ Чернаго Моря. Англія. Франція. Турція. УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ: Воспоминаніе о Гугельвѣ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

О ОТДѢЛЬНОМЪ КАВКАЗСКОМУ КОРПУСУ И ВОЙСКАМЪ КЪ НЕМУ ПРИКОМАНДІРОВАНЫМЪ.

Іюля 27-го дня 1855 года. Умѣршии исключаются изъ списковъ. По Иррегулярнымъ войскамъ Кавказскаго Ливійнаго Казачьяго войска Войсковой Старшина Желъзновъ. Состоявшій по Арміи, Смотритель Мангискаго и Еисаветинскаго Военныхъ Поселеній, Майоръ Хоруженцовъ.

Іюля 28-го дня. Проводятся: Въ сравненіи съ сверстниками, со старшинствомъ: По Ливійнымъ баталіонамъ. Ливійныхъ баталіоновъ: Кавказскаго № 13-го, изъ Штабсъ-Капитановъ въ Капитанъ Пистолькорсъ. Черноморскаго № 14-го, изъ Прапорщиковъ въ Подпоручики Дандри,—оба съ 14-го Января сего года.

Іюля 29-го дня. Проводятся. По Кавалеріи. Финляндскаго Драгунскаго полка Подполковникъ Кшиженскій, въ Драгунскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича полкъ.

Іюля 30-го дня. Назначаются. По Пѣхотѣ. Мингрельскаго Егерскаго полка Подполковникъ Шликевичъ, Командиромъ Виленскаго Егерскаго полка. Проводятся. По Кавалеріи. Драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка Штабсъ-Капитанъ Кузьминъ-Боровскій, Лейбъ-Гвардія въ Конно-Гренадерскій полкъ. Умѣршии исключаются изъ списковъ. По Ливійнымъ баталіонамъ. Грузинскаго Ливійнаго баталіона № 2-го Капитанъ Чавыгинъ.

— Государь Императоръ объявляетъ Монаршее благоволеніе состоящему при Отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ для особыхъ порученій, Войска Донскаго Генералъ-Майору Бакланову 1-му, за отличіе, оказанное въ дѣлѣ противъ Горцевъ.

Высочайшими Именными Указами, даннымъ Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Ордемовъ, въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ I, Всемилостивѣйше пожалованы кавалерами: Ордена Св. Анны второй степени, Императорскою короною украшеннаго: 1855 года Января въ 19-й день, въ возданіи за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ сраженіи съ Турками, 24-го Іюля 1854 года, при сел. Кюрукъ-Дара, Полковникъ: Командиръ Тульскаго полка Бугаковъ 2-й; Командиръ Легкой № 1-го батареи Кавказской Гренадерской Артиллерійской бригады—де-Саже; Дагестанскаго Пѣхотнаго полка—Шостаковъ 2-й и

Тенгинскаго Пѣхотнаго полка, Подполковникъ Сятополкъ-Мирскій. Того же ордена безъ украшенія: 1855 года Января въ 19-й день, въ возданіи за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ сраженіи съ Турками, 24-го Іюля 1854 года, при сел. Кюрукъ-Дара, Тульскаго Егерскаго полка Полковникъ Колокольцовъ; Егерскаго Генералъ-Адъютанта Куля Чернышевъ полка, Подполковникъ Зиньковскій; Эриванскаго Карабинернаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка Майоръ Кобелевъ. Того же ордена третьей степени, съ бантою: 1855 года Января въ 19-й день, въ возданіи за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ сраженіи съ Турками, 24-го Іюля 1854 года, при сел. Кюрукъ-Дара, Прапорщики: Драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка, Стрѣмоуховъ и Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка Князь Сумбатовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

20-е іюля. Сегодня утромъ Государь дѣлалъ смотръ двумъ Петербургскимъ дружинамъ и Новгородскому Ополченію. Радостенъ былъ день этотъ для православныхъ нашихъ крестоносцевъ: Царь остался доволенъ и осподостивилъ ихъ Монаршею благодарностью. Громкое ура раздавалось въ рядахъ воиновъ-новобранцевъ и не умолкало до отъѣзда Императора. Мы, сторонніе зрители, любовались зрѣлищемъ и молча благоговѣли предъ нимъ; но сильно билось сердце у насъ, видя какъ любимъ и могучъ Русскій Царь, какъ могучъ и преданъ Русскій народъ. И подлинно, надо много преданности и мощной воли, чтобы, съ небольшимъ въ два мѣсяца, изъ земледѣльцевъ сдѣлаться воинами, и такъ спарядиться, что хоть сейчасъ въ огонь и въ штыки на непріятеля. Видъ смотра былъ поразителенъ; нѣтъ, ничего подобнаго не видали мы даже въ двѣнадцатомъ году! Воины-рядовые, молодцы, ловки, развязны, точно старые солдаты; повзводно и въ сомкнутыхъ колоннахъ прошли лихо. Офицеры, конные и пѣшие, передъ взводами и повсюду, такъ и смотрять боевыми людьми, а иной, не далѣе вынѣшней весны, хозяйничалъ въ деревнѣ или находился въ гражданской службѣ, не думая сдѣлаться ратнымъ человѣкомъ. И начальникъ стоитъ

подчиненныхъ: недавно еще засѣдалъ онъ въ верховномъ нашемъ судилищѣ; но отечество и сограждане вызвали, Государь соблагволилъ, и вотъ онъ молодецъ, на конѣ, командуетъ, распоряжается; помолодѣлъ даже. Ему не удивляйтесь: онъ бывалый. Возьмите теперь вооруженіе, обмундировку, патронные ящики, обозы, даже казна, все готово! А одежда! Покрой самый русскій, кресты на шапкахъ, красная рубаха съ косымъ воротомъ, обувь дѣдовская, красивая, покойная, не чета какимъ нибудь ботинкамъ; волосы въ кружокъ, видѣются и русыя бороды; все какъ нельзя лучше, и къ довершенію цѣлаго, въ каждой дружинѣ зеленое знамя съ золотымъ крестомъ и надписью: «За Вѣру, Царя и Отечество!»

Да, смотря на все это, мы, зрители, благоговѣли, и когда мимо насъ проходило знамя, снимали шляпы, и молились кресту за Царя, за православное воинство!... И думалось мнѣ: неудивительно, что войско у насъ славное, есть и въ другихъ государствахъ хорошіе ратные люди, а намъ-то какъ не быть лучше другихъ. Но ополченіе, какое мы видимъ, и какое есть въ другихъ губерніяхъ, мы это знаемъ навѣрное,—дѣло особенной важности, и должно заставить призадуматься хоть какого непріятеля. Если Россія можетъ, въ два съ небольшимъ мѣсяца, выставитъ полмилліона боеваго войска, готоваго идти на Французовъ, Англичанъ, куда угодно, съ знаменіемъ креста на челѣ, и съ вѣрою въ сердце—и адъ не страшенъ; стало быть, въ такое же короткое время, можетъ явиться еще милліонъ, два милліона; гдѣ же конецъ счета? Вотъ гдѣ камень преткновенія для враговъ! все это, безъ сомнѣнія, будетъ извѣстно на западѣ: для того тамъ и дипломатія; пускай же попытаются разгадать задачу въ Лондонѣ, Парижѣ, въ союзныхъ арміяхъ и еще кой-гдѣ....

Во время смотра стоялъ я подлѣ двухъ офицеровъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Съ однимъ разговаривался, другой понималъ меня, но не могъ объясняться; оба восхищались ополченіемъ. Когда кончился парадъ, при прощаніи, первый, съ благороднымъ чувствомъ, сказалъ мнѣ: «У насъ, даже въ республикѣ, при всей любви нашей

ФЕЛЬТОНЪ.

Два слова по случаю новоселья Тифлискаго Коммерческаго Собранія.

Давно-ли Тифлисъ, эта столица Закавказья, чуждался всякаго европеизма? Давно-ли обычаи, нравы и требованія общежитія, свойственнаго образованнымъ народамъ, казались неприемлемыми къ жизни здѣшняго туземнаго населенія? И вотъ безвозвратно минуло уже это время! И если мы вспомнимъ ту разительную параллель между недавнимъ прошедшимъ и настоящимъ, которую такъ живо нарисовала намъ Будущая Грузинская Писательница (*), то неволь въспомнимъ и знаменитый стихъ:

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!»...

Въ послѣдніи 10 лѣтъ въ Тифлисъ, хотя и постепенно, но тѣмъ не менѣе прочно, начала водворяться общественность, которая, впрочемъ, сначала проявлялась только между однимъ высшимъ сословіемъ, тогда-какъ средней классъ здѣшняго населенія все еще оставался исключительно при своихъ тамашахъ, при своей пискливой, оглушительной зурнѣ и трескучемъ диммилипито... Этотъ классъ, какъ казалось, все еще упорно чуждался обычаямъ цивилизованныхъ націй, которые, по его убѣжденію, заключали въ себѣ начала, враждебныя его почтенной азіатской старинѣ. Наконецъ прошло это время. Современныя требованія просвѣщенной жизни начали съ каждымъ годомъ все больше и больше проявляться во всѣхъ слояхъ туземнаго общества... Европеизмъ, глубоко пустившій здѣсь свои корни, обнаруживается на каждомъ шагѣ и тѣмъ заставляетъ думать, что недалеко то время, когда обычаи и нравы здѣшней первобытной жизни останутся однимъ только воспоминаніемъ

(*). См. Журна, закавказскій альманахъ, предисловіе къ повѣсти подъ заглавіемъ Като и Ана.

и когда вѣкто, конечно, объ этомъ даже и не пожелать... (Жаль только было-бы, если-бы нашъ европеизмъ изгналъ изъ употребленія здѣшніе живописные костюмы!)

Вообще нужно замѣтить, что въ Тифлисъ, назадъ тому лѣтъ десять, не было никакихъ общественныхъ учреждений; одинъ только русскій театръ занималъ здѣшнюю публику, но и то не на долго: давно притупившіяся уже остроты нашего водевилнаго репертуара скоро наскучили, и въ тоже время сдѣлалось замѣтно, что не въ такой умственной пищѣ нуждалось здѣшнее общество, для котораго недостаточны уже были удовольствія родной старины,—и вотъ въ 1851 году, явилась здѣсь, къ общему восторгу, новая, животворная стихія, которая невольно пробуждаетъ и развиваетъ въ человѣкѣ врожденныя ему понятія о добромъ и изящномъ: это—драматическая музыка, выраженная въ произведеніяхъ Россини и Мейербера. Все съ усиленною охотою устремились на это новое, небывалое здѣсь наслажденіе, которое привлекало къ себѣ все классы здѣшняго населенія не только какъ всегда пріятная новость, но уже какъ потребность постепенно укоренявшася здѣсь просвѣщенія и развитія эстетическихъ потребностей... Много разъ было говорено въ нашей газетѣ о томъ, какое вліяніе имѣла здѣсь итальянская опера.

Кромѣ того, были, и теперь еще существуютъ (по одному, впрочемъ, названію) еще два общественныя учрежденія: Благородное Собраніе и Нѣмецкій Клубъ. По первое изъ нихъ, по самому назначенію своему, не вѣсьма доступно, а послѣдній, при самомъ учрежденіи, не имѣлъ успѣха и весьма въ немногихъ оставилъ по себѣ воспоминаніе.

Такимъ образомъ, среднее сословіе въ Тифлисъ оставалось, такъ сказать, почти ни при чемъ... Послѣ этого, очень естественно, что здѣшнимъ горожанамъ ничего болѣе не оставалось, какъ только сидѣть дома или толпиться

большими массами на всѣхъ перекресткахъ и быть записными представителями стоустой молвы, по здѣшнему называемой рабавіа, а между Русскими получившей знаменитое прозвище: базарные слухи, знаменитое потому, что нѣтъ въ городѣ такой неглупой новости, которую любители новостей не утверждали-бы съ довѣрчивостью, опираясь на авторитетъ базарныхъ слуховъ... Впрочемъ, странное, непостижимое дѣло! эти базарные слухи иногда дѣйствительно оправдываются и потому заслуживали-бы, чтобы кто нибудь изъ нашихъ собратій-фельетонистовъ посвятилъ свои досуги на специальное ихъ изслѣдованіе!..

Между тѣмъ нѣтъ сомнѣній, что туземное населеніе замѣтно расположено ко всякому нововведенію, истинно полезному или ускоряющему развитіе общественности: плодомъ такого сочувствія къ общественной жизни было учрежденіе въ Тифлисъ Коммерческаго Собранія, объ открытіи котораго наша городская хроника извѣщала читателей еще въ началѣ настоящаго года. Теперь, чрезъ полгода послѣ учрежденія Собранія, мы можемъ засвидѣтельствовать, что оно принялось какъ нельзя лучше, и подтвердить это фактами.

Коммерческое Собраніе помѣщалось первоначально въ самомъ верхнемъ этажѣ театральнаго зданія; но помѣщеніе это скоро оказалось неудобнымъ. Главное неудобство состояло въ томъ, что оно (помѣщеніе) было слишкомъ высоко и въ тоже время слишкомъ низко. Высоко сваружи, а низко внутри. Особенно послѣднее неудобство, не слишкомъ замѣтное зимою, отбивало у многихъ охоту посѣщать Собраніе лѣтомъ, потому что въ комнатахъ было вестернимо душно. Старшины Собранія обратили на это вниманіе и для устраненія неудобствъ не пожалѣли собственныхъ издержекъ. Они наваяли подлѣ помѣщенія Собранія, за довольно значительную цѣну, новый, только-что отстроенный на Головинскомъ проспектѣ домъ

въ отечеству, нельзя въ такое короткое время сформировать такія стройныя войска. — Знаете ли почему? отвѣчалъ я. У васъ одинъ двигатель — отечество, а у насъ ихъ два: Царь и отечество.... Я смотрѣлъ въ эту минуту на утѣшавшаго Государя; Американцы взглянули на меня, на трауръ моей шляпы, оба схватили мои руки, крѣпко пожали и ни полслова: мы разстались!... Славные и благородные люди эти Американцы: они желаютъ намъ добра и за нихъ поручиться можно...
А. Гарийновъ.
1855 года іюня 20-го дня.
(Слѣд. Пч.)

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ КРЫМА.

Генералъ-Адъютантъ Князь Горчаковъ телеграфическою депешою доноситъ, что съ 22-го по 25-е іюня, вечеромъ, подъ Севастополемъ ничего важнаго не произошло. Съ 20-го по 24-е число непріятель снова бомбардировалъ Геническъ и покушался разрушить тамъ паромную переправу; попытка эта была отражена, а выстрѣлы никакого вреда не причинили.
(Русск. Инва.)

КАВКАЗЪ.

Тифлисъ. Штабъ и оберъ-офицеры и духовенство 3-й бригады Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, по чувству вѣрнопопданнической преданности Престолу, пожертвовали на военные расходы *четыре-ста пятьдесятъ девять р. 29 3/4 к.*, а нижніе чины — строевые мѣсячный провіантъ, отставные же и внутренно-служащіе по два четверика ржи, всего муки 483 четв. 2 четв., крупъ 45 четв. 2 четв. 3 1/2 гар. и ржи 1344 чет. 2 четв.; сверхъ того они единодушно изъявляютъ желаніе, въ случаѣ надобности, повергнуться въ распоряженіе Правительства все достояніе и поголовно идти на защиту православной вѣры, Царя и Отечества.

— Концертомъ, даннымъ хоромъ музыкантовъ Рязанскаго пѣхотнаго полка, подъ управленіемъ капельмейстера Розсыпнаго, выручено въ пользу вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ убитыхъ въ сраженіяхъ противу Турокъ нижнихъ чиновъ, *двести семнадцать руб. 65 коп. сер.*

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИЗВѢСТІЯ СЪ ЧЕРНАГО МОРЯ. (J. de St.-P.) Изъ Парижа пишутъ въ Étoile Belge, отъ 1-го іюля: «Я не сообщаю вамъ ничего изъ крымскихъ корреспонденцій; въ журналахъ вы найдете боль-

ше подробностей о печальномъ дѣлѣ 18-го (1-го) іюня, чѣмъ сколько я могу сообщить вамъ. Къ списку раненыхъ присоединяютъ генераловъ Лафона, Ніела, де-Вильерса и Братона.

«5-й баталіонъ пѣшихъ егерей почти весь истребленъ, а 2-мъ полкомъ зуавовъ нѣсколько минутъ командовалъ простой лейтенантъ, ибо всѣ штабъ-офицеры этого полка были убиты и ранены.

«Въ числѣ раненыхъ упоминаютъ также о г-нѣ Антуанѣ Аббатуччи, сынѣ французскаго министра юстиціи. Недавно онъ произведенъ въ баталіонные командиры. Онъ раненъ въ бокъ и въ голову.

«Къ осадной арміи отозвана назадъ дивизія Дюлака, находившаяся подъ главнымъ начальствомъ генерала Боске, движеніе котораго по ту сторону Черной рѣчки не могло состояться въ слѣдствіе неудавшагося нападенія на Малахову башню. Ожидали, что дивизія Канробера также будетъ отозвана.»

— (Ind. V.) Вотъ текстъ депеши, извѣстившей о смерти лорда Раглана и сообщенной англійскимъ военнымъ министромъ, лордомъ Паниоромъ, всѣмъ лондонскимъ журналамъ:

«Военное министерство, 30-го іюня.

«Лордъ Паниоръ получилъ отъ генерала Симпсона депешу съ извѣстіемъ о роковомъ исходѣ боѣзни лорда Раглана.

«28-го іюня, до четырехъ часовъ пополудни, его сіятельство находился въ такомъ состояніи, которое врачи находили удовлетворительнымъ. Потомъ показались опасныя припадки, которые сопровождались затрудненіемъ дыханія, постоянно усиливавшимся.

«Въ пять часовъ онъ потерялъ всякое сознание, и скончался въ девять часовъ безъ двадцати пяти минутъ.

«Это событіе повергло армію въ глубочайшую скорбь.»

— (J. de St.-P.) Какъ кажется, генералъ Симпсонъ окончательно назначенъ англійскимъ главнокомандующимъ въ Крыму, ибо сэръ Джорджъ Броунъ, который долженъ бы занять этотъ постъ по старшинству, принужденъ возвратиться въ Англію по разстроенному здоровью.

— (N. P. Z.) Въ Fremdenblatt пишутъ, что французскій генералъ Боске, начальникъ втораго кор-

пуса, стягиваетъ свои войска изъ Искерманской долины въ траншеи, находящіяся предъ южными и западными фортами; кажется, предстоитъ новый штурмъ.

— (Ind. V.) Въ парижской газетѣ Presse пишутъ изъ подъ Севастополя, отъ 19-го іюня: «Очень жаль, что керченская экспедиція обезславлена грабежемъ и жестокостью. Европа признаетъ, что Французы не участвовали въ этихъ страшныхъ безпорядкахъ и сдѣлали все возможное, чтобы предотвратить ихъ. Командиръ парохода Charlemagne, итѣвшій полицейскій надзоръ въ Керчи, не могъ спасти городъ отъ разграбленія. Патрули должны были прибѣгнуть къ оружію противъ турецкихъ солдатъ и одного офицера; первые убиты, послѣдній раненъ. Генералъ д'Отемарръ потребовалъ отъ пани казни двухъ другихъ солдатъ. Эти факты, къ несчастью, не подлежатъ никакому сомнѣнію.»

Англія. Въ Indépendance Belge сказано:

«21-го іюня 1850 года, когда сэръ Робертъ Пиль, въ послѣдній разъ говорилъ въ Нижней Палатѣ и произнесъ превосходную рѣчь, въ которой, по поводу греческихъ дѣлъ, осуждалъ политику лорда Пальмерстона, онъ подалъ тогдашнимъ англійскимъ министрамъ нѣсколько совѣтовъ, которые, будучи произнесены человекомъ столь краснорѣчивымъ и строго честнымъ, произвели на членовъ Парламента глубокое впечатлѣніе.

«Теперь, сказалъ онъ, господствуетъ миръ, то есть въ Европѣ нѣтъ безпорядковъ, и вы, основываясь на этомъ, утверждаете, что политика ваша способна поддерживать дружескія отношенія, которыя должны бы постоянно существовать между всеми государствами для ихъ взаимной и частной пользы. Вы надѣетесь на дипломатію; но спрашиваю у васъ, что такое дипломатія? (слушайте!) «Это машина, дорого стоящая, имѣющая назначеніемъ охранять миръ. Если вы не будете пользоваться ею для того, чтобы обуздывать злыя страсти частныхъ лицъ, бороться съ національною мстительностью, то она сдѣлается орудіемъ и до рогижъ и вреднымъ. (браво!) И такъ, если ваша дипломатія состоитъ въ томъ, чтобы растравлять все язвы, не укрощать чувство мстительности, а возбуждать его, если вы станете содержать пос-

князя Мухранскаго. Домъ этотъ отдѣланъ, сообразно требованіямъ самаго учрежденія, по указаніямъ старшинъ, изъ которыхъ, какъ мы слышали, если не исключительно, то по крайней мѣрѣ преимущественно, принималъ въ этомъ дѣлѣ участіе Ив. С. Шадиновъ. Со времени учрежденія Собранія, этотъ молодой туземецъ (получившій впрочемъ европейское образованіе въ одномъ изъ нашихъ университетовъ), принялъ на себя всѣ заботы о возможно-лучшемъ его устройствѣ, и эти заботы нынѣ увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ.

Настоящее помѣщеніе Коммерческаго Собранія великолѣпно. По всему видно, что при роскошной отдѣлкѣ и меблировкѣ комнатъ не жалѣли издержекъ. Кромѣ того, вмѣстѣ съ улучшеніемъ убранства Собранія, оно много выиграло и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, и, между прочимъ, въ гастрономическомъ: въ Тифлисъ едва-ли гдѣ можно найти такое приличное удовлетвореніе ачуждому желудку, снабженному взыскательными привычками, какъ въ Коммерческомъ Собраніи. Разнообразіе прекрасно приготовленныхъ блюдъ, щедрые размѣры порцій и наконецъ отличное вино, — все это, испытанное хоть разъ, можетъ заставить васъ съѣсть за прекрасно сервированнымъ столомъ, чтобы принять участіе въ общей трапезѣ даже и тогда, когда вы, по видимому, не чувствуете особеннаго аппетита.

Вотъ въ этомъ-то Собраніи данъ былъ, 12-го іюля, роскошный *табельдотъ*, о которомъ старшины извѣщали особымъ объявленіемъ, помѣщеннымъ въ предпоследнемъ номерѣ нашей газеты. Табельдотъ виѣсть съ тѣмъ былъ, если не ошибаюсь, и праздникомъ новоселья. Кромѣ всѣхъ гг. членовъ Собранія и множества гостей, посѣтили праздникъ: его сіятельство, князь В. О. Бебутовъ и многія другія почетныя лица нашего города.

Чтобы однимъ словомъ выразить характеръ этого праздника, мы обязаны сказать, безъ всякаго, впрочемъ, преувеличенія, что онъ былъ великолѣпенъ. Во все продолженіе обѣда гремѣлъ прекрасный оркестръ духовой музыки Рязанскаго пѣхотнаго полка. Между всеми присутствовавшими на праздникѣ выражалось общее удовольствіе при мысли, что первое, не бывалое въ здѣшнемъ краѣ общественное учрежденіе, не смотря на недавнее свое осно-

ваніе, доведено до возможнаго совершенства и ручается уже за дальнѣйшее прочное свое существованіе.

Такимъ образомъ, съ учрежденіемъ Коммерческаго Собранія, явилось въ Тифлисъ мѣсто, гдѣ можно съ удовольствіемъ провести время или за чтеніемъ всевозможныхъ журналовъ, или за карточнымъ столомъ, или, наконецъ, если у посѣтителя ни къ тому, ни къ другому нѣтъ охоты, то онъ можетъ не безъ удовольствія *убить* время, оставаясь наблюдателемъ. Тутъ онъ встрѣтитъ множество отдѣльныхъ группъ, расположившихся по всѣмъ комнатамъ Собранія. Въ одной толпѣ слышится разговоръ о современныхъ событіяхъ, о вліяніи ихъ на коммерцію и о предположеніяхъ объ исходѣ этихъ событій, постыднымъ, конечно, для сподвижниковъ луны. Въ другой гласно говорятъ о существующей здѣсь дороговизнѣ на всѣ жизненные припасы или выражаютъ радость по случаю обнаруженія *таксы*, полагающей наконецъ предѣлъ корыстному произволу базарныхъ торговцевъ. Далѣе, на обширной балконной стеклянной галереѣ раздается стукъ *нардъ*, туземной игры, составляющей наслажденіе людей пожилыхъ и, по болѣе части, еще облакающихся въ чохы и папахи; изрѣдка развѣ присоединяется къ нимъ носящая сюртуки и галстухи молодѣжь, и то, вѣроятно, въ угожденіе уважаемымъ старичкамъ... А тамъ, въ совершенно отдѣльной комнатѣ, прыгаютъ, катаются по раздольному полю билліарда рѣзвые шары, повинуются искусной рукѣ игрока, который то ударитъ съ *накатцемъ*, то сильнымъ *клопшотомъ* не-вѣсть куда *отплететъ* своего *бланта*, то сдѣлаетъ вѣрно рассчитанный *кармболъ* или *дуплетъ*; между тѣмъ отъ ударовъ игрока, менѣе опытнаго и искуснаго, или можетъ быть находящагося *не въ ударъ* отъ удачной игры своего противника, шары разбѣгаются какъ-то отъ *блузъ*, изрѣдка лишь падая неожиданными *гусарами*...

Наслушавшись, наконецъ, этого интереснаго техническаго языка билліардныхъ героевъ, — языка, тоже пришедшаго сюда вмѣстѣ съ цивилизаціей, — наблюдатель можетъ перейти къ карточнымъ столикамъ и найдетъ подчасъ забавныя сцены, неизбежныя между противниками, подвизающимися на зеленомъ полѣ. Сцены эти столько же разнообразны, сколько различны характеры играющихъ. За однимъ столомъ вы,

напримѣръ, видите господина, который хладнокровно почесываетъ свой затылокъ послѣ только-что поставленнаго огромнаго ремиза, и спрашиваетъ вслѣдствіе этого *тюркой*; за другимъ — ваше вниманіе невольно остановится на черезъ-чуръ блѣдномъ или ужъ на черезъ-чуръ красномъ лицѣ *закупившагося* очень далеко, и тревожно перебирающаго карты по случаю взятой *не къ масти покупки*; за третьимъ столомъ вы видите чрезвычайно озабоченную фязіономію партнера, занятаго счетомъ всѣхъ ремизовъ и огромной на столѣ записи. Счетъ этотъ необходимъ ему для рѣшенія тающагося въ душѣ его вопроса: «выгодно-ли куплена имъ игра у игрока, уступившаго ему свое *мѣсто*?» Наконецъ вотъ еще столъ: здѣсь вы встрѣчаете болѣе жизни, энергіи... Прислушайтесь, и до васъ дойдутъ неистощимыя жалобы на *счастье*, или чаще всего повторяемое слово *не везетъ*; взгляды ваши же, въ непремѣнно увидите руку игрока съ огнемъ, съ энергіей, немилосердно-запущенную въ его же взѣрошенные волосы; или эту же самую раздраженную руку увидите готовую всей своей тяжестью упасть на столъ, но сдерживаемую опасеніемъ нарушить приличіе, которое, надо отдать справедливость, въ нашемъ коммерческомъ собраніи соблюдается со всею строгостью... Но всѣхъ столовъ не перечесть, а тѣмъ болѣе не расскажешь встрѣчающихся за ними характеристическихъ особенностей....

Въ заключеніе, не можемъ не высказать вашего сожалѣнія о томъ, что въ Коммерческомъ Собраніи не установились еще ежедневныя обѣды, которые были-бы весьма полезны какъ для самого собранія, такъ и для болѣе части здѣшней холостой молодежи, которая, въ этомъ отношеніи, немножко бѣдствуетъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы съ полной надеждой будемъ ожидать этихъ обѣдовъ, какъ и вообще всего, что только можетъ служить въ дальнѣйшему процвѣтанію нашего перваго *общественнаго учрежденія*, въ настоящемъ и полномъ значеніи этого слова.

Я. Григорьевъ.

«ловъ во всѣхъ углахъ Европы не за тѣмъ, чтобы предупредить и устранять ссоры, а за тѣмъ, чтобы поддерживать такъ называемые интересы Великобританіи, затѣвая раздоры съ представителями другихъ державъ, то увѣряя васъ, вы не только безъ пользы будете издерживать много денегъ, но еще превратите въ оружіе вражды и войны великую машину, называемую дипломатіей, которую просвѣщенное общество употребляетъ и должно употреблять для поддержанія мира.»

«Тоже, что сэръ Робертъ Пиль говорилъ въ 1850 году о дипломатіи, теперь можно сказать объ англійской журналистикѣ. Она должна исполнять въ отношеніи къ народу ту же роль, какую дипломатія въ отношеніи къ кабинетамъ разныхъ державъ. Она обязана предупреждать ссоры, вразумляя общественное мнѣніе, укрощать злопамятство народовъ и частныхъ лицъ, доставлять торжество истинѣ надъ заблужденіемъ, здравому разсудку надъ безразсудными страстями.»

«Конечно, во времена войны, когда всѣ народныя страсти, всѣ предрасудки раздражены, когда объ стороны почерпаютъ новыя подстреканія и въ успѣхахъ и въ пораженіяхъ своихъ, можно извинить языкъ нѣсколько болѣе рѣзкій, логику не очень строгую, полемику болѣе запальчивую, нежели справедливую.»

«По такой тошѣ, до нѣкоторой степени извиняемый войною, не можетъ безопасно быть простертъ до того, чтобы журналы позволили себѣ нападать и на тѣ державы, которыя не принимаютъ непосредственнаго участія въ борьбѣ.»

«Возбуждая страсти и истинность, превращая друзей во враговъ, журналистика въ свою очередь становится орудіемъ вражды и войны, также какъ дипломатія, которую такъ энергически порицалъ сэръ Робертъ Пиль въ своей рѣчи, единодушно одобренной Нижней Палатою.»

«Но съ самаго начала нынѣшней войны, англійская журналистика говорила такимъ языкомъ, котораго нельзя было ожидать отъ нея. Она не только нападала самымъ яростнымъ образомъ на людей, которые, по своимъ прежнимъ заслугамъ, имѣютъ право на уваженіе, не только называла ихъ орудіемъ Россіи, но простерла свои притязанія еще далѣе, обсуждала, разбираала, истолковывала поступки нейтральныхъ державъ, и дошла до того, что успѣла уничтожить участіе, которое державы эти принимали въ Англии, и даже, можетъ быть, возстановить ихъ противъ нея.»

«Въ прошлый вторникъ, лордъ Кларендонъ указывалъ на это обстоятельство въ Верхней Палатѣ, по поводу оскорбленій, наносимыхъ журналами Австріи. Онъ упомянулъ о вредѣ, какой нѣкоторыя рѣчи и статьи причинили западнымъ державамъ, говорилъ объ ослабленіи прежняго участія Германіи къ Англии, требовалъ, для чести правительства, къ которому самъ принадлежитъ, чтобы журналы выражались языкомъ болѣе воздержнымъ, примирительнымъ, болѣе сообразнымъ съ истинными выгодами Великобританіи.»

«Эта декларация англійскаго правительства, какъ мы уже замѣтили, явилась нѣсколько поздно; можетъ быть министры и сами не употребили всѣхъ усилій для отвращенія пагубныхъ злоупотребленій парламентской рѣчи и журнальнаго своеволия. Не могутъ ли и они упрекнуть себя за тѣ выраженія, которыя употребляли нѣкогда, говоря объ одномъ дружественномъ правительствѣ; и въ то время, когда два члена Парламента ожесточенно нападали на Бельгію, которую генералъ Ренаръ защищалъ въ *Indépendance Belge*, съ такою твердостью и умѣренностью, вступился ли хотя одинъ членъ кабинета, протестовалъ ли противъ утверждений, о которыхъ нынѣ всѣ сожалеютъ?»

— (Ind. V.) 3-й полкъ ланкастерской милиціи, изъ 800 чел., отправленъ 30-го іюня изъ Ливерпуля въ Гибралтаръ, гдѣ онъ займетъ мѣсто 66-го линійнаго полка, отправляемаго въ Крымъ.

— (Ind. V.) Въ *Daily-News* сообщаютъ, что къ 20-му іюля въ Крымъ будутъ доставлены свѣжія

англійскія войска. Гибралтарскій гарнизонъ будетъ замѣненъ отрядами англійской милиціи.

(Ind. V.) Одиннадцать подполковниковъ англійской арміи въ Крыму, отличившихся на полѣ битвы, назначены адъютантами Королевы, съ переименованіемъ въ полковники.

— (Ind. V.) Носится слухъ, что контръ-адмиралъ Берклеи намѣревается отказаться отъ поста, занимаемаго имъ въ адмиралтействѣ.

— (Ind. V.) Въ газетѣ *Observer* напечатанъ обзоръ государственныхъ доходовъ за три мѣсяца, кончившіеся 30-го іюня. Въ теченіе года, истекшаго въ этотъ день, доходы представляли, въ сравненіи съ предыдущими, увеличеніе въ 7,746,588 ф. ст.

— Генералъ Симпсонъ началъ свое военное поприще на Пиренейскомъ полуостровѣ, гдѣ участвовалъ въ оборонѣ Кадикса и взятіи Севильи, былъ раненъ при Катръ-Бра, а въ 1845 году, въ синдскомъ походѣ, въ Остъ-Индіи, былъ вторымъ начальникомъ при покойномъ сэрѣ Ч. Напирѣ, называвшемъ его своимъ лучшимъ офицеромъ. — Королева и принцъ Албертъ получили извѣстіе о смерти лорда Раглана, чрезъ военное министерство, третьяго дня въ полдень, въ тоже время, какъ оно было сообщено и леди Рагланъ съ дѣтьми, и уже чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того принцъ отправился, съ собственноручнымъ соболѣзновательнымъ письмомъ Королевы, къ сѣдущему семейству, чтобы лично освѣдожиться объ его положеніи. Поздно вечеромъ, и вчера принцъ повторилъ свое посѣщеніе.

— (J. de St.-P.) Изъ Бомбея пишутъ отъ 27-го мая, что правительство, по видимому, совершенно отказалось отъ дальнѣйшей доставки войскъ изъ Остъ-Индіи въ Крымъ. 14-й полкъ легкихъ драгунъ, уже два раза отправлявшійся въ назначенное мѣсто для этой цѣли, окончательно оставленъ въ своихъ квартирахъ. Извѣстно, что доселѣ въ Крымъ прибыли только два кавалерійскіе полка, изъ Остъ-Индіи.

Франція. (J. de St.-P.) Парижъ, іюля 3-го. По новому проекту закона, представленному вчера въ Законодательное Сословіе, правительство предлагаетъ слѣдующія финансовыя мѣры: 1. увеличить, начиная съ 1-го августа, 34-франковую пошлину съ гектолитра спирта (алкоголя) до 50 фр. 2. съ 1-го же августа распространить на всю цѣну за мѣсто, а не на одну только треть этой цѣны (какъ это было доселѣ), транспортную пошлину, взимаемую съ пассажировъ на желѣзныхъ дорогахъ, а также на товары, отправляемые съ скорыми поѣздами; и 3. со времени обнародованія закона, увеличить десятою частью тѣ косвенныя сборы, которые подлежатъ старинному военному налогу.

— *Іюля 4-го.* Въ сегодняшнемъ Монитерѣ напечатана телеграфическая депеша генерала Пелисье отъ 2-го іюля (20-го іюня), не сообщающая ничего новаго. Въ той же газетѣ напечатано донесеніе генерала Пелисье, о дѣлѣ 18-го (6-го) іюня.

— Парижскій корреспондентъ *Etoile Belge* сообщаетъ, что прочтеніе новаго проекта, имѣющаго цѣлью учрежденіе новыхъ налоговъ для войны, «повергло членовъ Законодательнаго Сословія въ состояніе, похожее на оцѣпеніе.»

Турція. Сообщивъ извѣстіе объ отбитомъ штурмѣ 28-го іюня, константинопольскій корреспондентъ *Indépendance Belge* между прочимъ пишетъ:

«Любопытнѣе всего то, что 20 числа прибылъ изъ Камышевой бухты корабль съ извѣстіемъ, что Малахова башня взята; и притомъ извѣстіе это было сообщено въ такихъ опредѣлительныхъ выраженіяхъ, что ему всѣ повѣрили.»

— (Zeit.) Въ Аугсбургской Газетѣ пишутъ изъ Константинополя: «Полагаемъ, что во всей Оттоманской имперіи найдется мало людей, которые смотрѣли-бы на теперешнія и будущія событія съ большимъ равнодушіемъ, нежели съ какимъ смотритъ на нихъ преемникъ самого Османа, султанъ Абдуль-Меджидъ. Такъ должно по крайней мѣрѣ судить по его дѣйствіямъ, особенно въ отношеніи къ финансамъ, съ которыми онъ обходится такъ, какъ будто-бы Турція стояла не на краю пропасти, а была въ счастья и изобиліи. Напримѣръ

на убранство новаго каменнаго дворца, который строился восемь лѣтъ и поглотилъ огромныя суммы, опять издерживаются миллионы; между прочимъ, султанская кровать, образцовое произведеніе стариннаго искусства, привезенная недавно изъ Парижа, стоила 50,000 гульденовъ; каждый изъ множества ковровъ для большихъ залъ, тоже изъ Франціи, обошелся, въ сложности, 3,000 гульденовъ, и т. д. Султанъ ежедневно проводитъ въ этомъ зданіи по нѣсколькимъ часамъ и предоставляетъ дѣламъ идти такъ, какъ они идутъ — быть можетъ, сознавая, что онъ уже не въ силахъ управлять ихъ ходомъ. Другимъ примѣромъ, какъ хозяйничаютъ здѣсь по финансовой части, можетъ служить обстоятельство, что уволенному военному министру Риза-пашѣ назначена ежемѣсячная пенсія въ 60,000 піастровъ (3,000 р. с.), — сказать мимоходомъ, ясное доказательство, что, при этой перемѣнѣ въ министерствѣ, Султанъ только уступилъ постороннему вліянію.»

— (J. de St.-P.) Изъ Триеста сообщаютъ отъ 3-го іюля по телеграфу, что туда прибылъ одинъ изъ левантскихъ пароходовъ и привезъ извѣстія изъ Константинополя, доходящія до 25-го іюня. Наканунѣ Али-паша облеченъ султанскимъ гатти-шерифомъ въ званіе великаго визиря. Въ Константинополѣ былъ сильный пожаръ, истребившій 1,500 домовъ. Холера господствуетъ преимущественно въ лагерѣ англійскаго полковника Вивіана.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ВОСПОМИНАНІЕ О ГУЛЕВИЧѢ (*).

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ВОСПИТАННИКАМЪ 2-ГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА).

Это было въ началѣ декабра мѣсяца. Нѣсколько добрыхъ товарищей и пріятелей собрались въ одномъ изъ тѣхъ бѣленькихъ домиковъ, которые всѣ такъ знакомы бывавшимъ когда нибудь въ Кутаисѣ. Домики эти обыкновенно выстроены изъ тонкихъ досокъ, вымазаны снаружи глиною, выбѣлены известкой, обклеены изнутри обоями, но съ полами и потолками à jour. Правду сказать, что при всей благовидной наружности комнаты, собравшимся въ ней было немножко невыгодно сидѣть у стѣнъ; всѣ мы мало по малу придвинулись съ своими стульями и стаканами чай къ камину и тутъ сосредоточились, ласково глядясь въ его яркое пламя и благодаря, что онъ не дымилъ. — Вѣтеръ вылъ межъ деревьями, окружающими строеніе, и врвался повсюду: и въ щели и въ окна; стекла звенѣли подъ крупнымъ дождемъ, который лился потоками и стучалъ о дубовую крышу.

— «Вотъ вамъ и восхваляемая поэзія осени!» — сказалъ кто-то изъ собесѣдниковъ, — «нашли же, вѣдь, поэзію въ этой невыносимой погодѣ, когда и собаку жаль высушить изъ-подъ крыши.»

— Да, хороша еще эта поэзія въ какой нибудь теплой квартирѣ, или хоть въ нетеплой, да вотъ все-таки у каминна, какъ мы теперь. А какова, напримѣръ эта, поэзія-то была на озургетскихъ бивакахъ: дождь, снѣгъ, грязь по колѣна.

— «Ну, это хорошо только тѣмъ, что уже миновало; за то теперь посмотрите, какое приволье у насъ на Тихурѣ, въ баракахъ...»

(*) Эта статья получена Редакціей «Кавказа» при слѣдующемъ письмѣ къ Редактору:

М. Г.

«Сегодня минула годовщина сѣзому Нигонтскому дѣлу. Всѣ отдали ему справедливую похвалу; но заслуги Гулевича, павшаго героемъ въ этой битвѣ, не вполне еще известны, а на его долю выпалъ трудный подвигъ. Начальникъ колонны, сражавшейся у Лачхута, князь Эривозъ, отдавъ всю заслуженную справедливость Гулевичу, доносилъ о сраженіи отрядному начальнику. Подробности этой битвы и всѣхъ свѣжи; всѣ въ Гурійскомъ отрядѣ еще помнятъ Гулевича. Но нигде годъ и нигдѣ не пришлось мнѣ прочитать подробное описаніе его подвига. Много я слышалъ разсказовъ отъ храбрыхъ его товарищей, бывшихъ съ нимъ въ дѣлѣ и, по желанію ихъ, составилъ препровожденный у сего разсказъ. Онъ имѣетъ одно достоинство — совершенную истину; вымышленнаго тутъ нѣтъ ничего; мнѣ принадлежитъ только изложеніе. Даже самая форма разсказа взята мною не произвольно. Это такъ было: именно, въ одинъ зимній вечеръ сошлись мы въ кругу пріятелей; также разговоръ начался о погодѣ и именно тою же фразой, также перешелъ онъ на лагерную жизнь и наконецъ на Гулевича. Вечеръ былъ проведенъ пріятно и собесѣдники взяли съ меня обѣщаніе написать мною слышанное. Докторъ былъ такъ любезенъ, что сообщилъ мнѣ впоследствии даже записку о ходѣ болѣзни Гулевича. Мирный гражданинъ, — долго я не рѣшился приняться за описаніе военнаго подвига; а все ждалъ, не появится ли о Гулевичѣ хоть что либо, писанное рукою, болѣе опытною; къ сожалѣнію, я нигдѣ не встрѣчалъ статьи о немъ и рѣшился написать то, что слышалъ и какъ умѣлъ.»

«Имя Гулевича стоить быть сохраненнымъ въ летописяхъ боевой жизни Кавказа, и пусть неисканный разсказъ мой останется въ нихъ до времени блѣдною незабудкой, пока твердой рукою историка будетъ положенъ лавровый вѣнокъ. Вчера вечеромъ послѣдилъ я могилу Гулевича: на ней нѣтъ даже памятника.»

Съ совершеннымъ почтениемъ, и проч.

Кутаисъ. 27-го мая, 1855.

Федотъ Бабилевъ.

— Да-съ. А зато все-таки досталось от лихорадки.
 — Еще-бы! Вы уж, господа, хотите быть на войну точно как в петербургской гостинице; так и ходили бы во фрак или в пальто—сказал мрачный усатый майор, бросивши папироску на уголья и закуривая другую.

— Кто-жъ противъ этого!—отозвался штабсъ-капитанъ. Но мы не о трудностяхъ нашей боевой жизни хлопочемъ. Я только замѣтилъ, что странно, что люди наши позвоню въ такой гадкой погодѣ, вотъ какъ теперь.

— Что же! во всемъ есть поэзія. Можетъ быть есть и тутъ!—сказалъ майоръ не-хотя, и потомъ замолчалъ, пустилъ клубы дыма съ какою-то досадою.

Разговоръ получалъ направленіе спорное и несколько раздражительное. Мнѣнія, разумѣется, были разныя; но большинство было въ пользу камня, хорошей квартиры, стакана чаю и прочихъ бездѣлицъ, которыя человекъ для себя придумалъ, а Англичане назвали комфортомъ.—Споры однакоже этимъ не ограничились; предстояло рѣшить вопросъ: точно ли есть поэзія въ этомъ холодномъ вѣтрѣ и проливномъ дождѣ, отъ которыхъ мы все спѣшили укрыться въ удобной комнатѣ, да еще у камня, затопленнаго каштановыми дровами.

Мнѣнія раздѣлились; майоръ молчалъ. Наконецъ мы подумали, что все наши, почти ребячскіе, споры и пренія ему надобно, какъ человѣку практичному; мы его уважали и разумѣется, не хотѣли бы раздражить.

— Что-жъ вы молчите?—сказалъ хозяинъ, по праву гостеприимства, обращаясь къ майору, который безъ милосердія жегъ папироски. Скажите намъ ваше мнѣніе.

— Я плохой судья въ вашихъ спорахъ,—сказалъ майоръ, выпуская струю дыма и тяжело вздохнувъ.—По моему истинная поэзія—это война!.. Вотъ гдѣ приходится попытать свои силы съ судьбою. Столько энергіи, жизни, самоотверженія или безотчетной отваги на два шага отъ смерти; иногда ближе—на волосокъ!..

Мы переглянулись и упрекнули друга друга какою-то грустной улыбкой, которая была весьма намъ понятна и никому не оскорбительна. Въ самомъ дѣлѣ, что значили этотъ дождикъ и этотъ вѣтеръ сравнительно съ градомъ картечи и пуль, съ свистомъ чинѣной гранаты, которая пролетаетъ у васъ надъ головою; а стройная масса воиновъ, со штыкомъ, крѣпко прикинутымъ у дула, идетъ тихо, спокойно шагая черезъ убитыхъ товарищей?

— И вамъ вѣрно не разъ пришлось испытать эту поэзію въ настоящей войнѣ?—спросилъ я, невольно и съ уваженіемъ поглядывая на лицо майора, немощно суровое и какъ-то картинно озаренное свѣтомъ камня.

— Мнѣ?.. Нѣтъ. А я думаю о Гулевичѣ.

Это имя коснулось до всѣхъ насъ электрической искрою. Мы встрепенулись, зашевелились на своихъ стульяхъ и все, какъ по флигельману, просили майора, чтобы онъ разсказалъ намъ о храбрѣйшемъ своемъ товарищѣ.

— Очень охотно—сказалъ онъ и началъ:

«Вы знаете, что прошедшей весной мы оставили Озургеты и передвинулись на высоты. Я тогда находился въ отрядѣ генералъ-майора Бруниера, расположенномъ въ Чохатаурахъ. Мая 7-го намъ велѣно двинуться въ составъ двухъ баталіоновъ, съ двумя горными орудіями, впередъ по нигоитской дорогѣ. Одинъ баталіонъ былъ Куричскаго Князя Воронцова полка, другой баталіонъ былъ мой. Ночью мы выступили и на другой день поутру остановились въ деревнѣ Карасубани, при впаденіи Хевисъ-цкама въ Ріонъ. Движеніе это было сдѣлано, какъ оказалось впоследствии, совершенно получившимъ начальникомъ отряда извѣстіямъ, что Турки ужъ выступили изъ Озургетъ, намѣрены напасть на Чохатауръ и вмѣстѣ съ тѣмъ, пробираясь другою колонною по нижней нигоитской дорогѣ, отрезать намъ сообщеніе отъ Марани и занять переправу черезъ Ріонъ.

«Мѣсто въ Карасубани не такъ здоровое—и мы передвинулись въ Джанами, версты за четыре восторону; тутъ мы простояли биваками до 22 мая. Между тѣмъ генералъ-майоръ Бруниеръ, получивши извѣстіе, что Турки переправились черезъ Супсу при Баадетахъ, предписавъ кн. Эривому двинуться къ Нигоитской горѣ, съ двумя баталіонами и 2-мя горными орудіями; Блѣстоцкому баталіону съ двумя полевыми орудіями занять наше прежнее мѣсто и такимъ образомъ составить нашъ резервъ. Подойдя къ Нигоитамъ, мы остановились у подошвы высотъ. Эта гористая мѣстность занята была, частью, милиціей, которую посылали всегда впередъ, разсыпая въ тѣсу для открытія Турокъ. Но такъ-какъ главнѣйшею цѣлю нашею было пресѣчь путь неприятелю, то мы и заняли небольшую площадку впереди широкаго, покрытаго лѣсомъ ущелья, котораго Туркамъ вмигъ миновать было нельзя. Позиція была очень тѣсная и немного возвышенная, среди лѣса и въ чрезвычайно-пересѣченной мѣстности. Тутъ, расположивъ войска по данной отъ генерала инструкціи, мы оставались до 27 мая, ожидая каждый часъ неприятеля.

«Въ ночь, на канунъ этого дня, нашъ начальникъ колонны получилъ отъ жителей нѣсколько извѣстій о скопленіи неприятелей въ деревнѣ Левы, принадлежащей князю Датъ

Гурьели, о которомъ вы вѣроятно слышали; тамъ также былъ и Решидъ-паша Думбадзе съ турецкимъ низамомъ. Тотчасъ-же сдѣлано было распоряженіе притянуть къ намъ четвертый баталіонъ Блѣстоцкцевъ; съ ними пришелъ и Гулевичъ съ своими двумя орудіями.

«Весело встрѣтились мы съ нимъ поутру, въ роковой для него день. Гулевичу такъ хотѣлось схватиться съ Турками!—и я понималъ эту жажду серьезной битвы. Я зналъ хорошо Гулевича: мы съ нимъ были товарищами еще на школьныхъ скамьяхъ; я былъ выпущенъ изъ 2-го Кадетскаго Корпуса въ 33-мъ, Гулевичъ въ 34-мъ году. Двадцать лѣтъ мы служили въ одной дивизіи и почти-что не разлучались. Хороша была эта жизнь, и наша солдатская дружба, начавшаяся на классной скамейкѣ, кончилась у гробовой доски. Я любилъ отъ души Гулевича: онъ родился военнымъ и былъ настоящимъ солдатъ; жизнь велъ простую, не прихотливую; истый служака, онъ былъ равно строгъ къ исполненію своихъ обязанностей, и въ требованіи такого же ихъ исполненія со стороны подчиненныхъ; былъ добрый, веселый товарищъ и любилъ время проводить въ своемъ близкомъ кружку, убѣгая шумной и свѣтской жизни. Этимъ-то строгимъ, прямымъ характеромъ заслужилъ онъ вниманіе начальства и былъ всегда отличаемъ, какъ лучший артиллеристъ. Въ этотъ періодъ времени ему удалось быть въ венгерской кампаніи, но однакожъ и тамъ не случилось ему ни разу помириться съ врагами, какъ онъ ни желалъ этого. Надобно было видѣть, съ какою воеторгомъ отправился онъ съ 13-ю дивизіею изъ Севастополя за Кавказъ: тутъ для него открывалось поприще той боевой жизни, которую онъ такъ любилъ. Всю зиму 53-го года провели мы съ нимъ въ Озургетахъ, почти не разлучаясь; тутъ ему удалось быть два раза въ дѣлѣ: 2-го января, при рекогносцировкѣ Николаевскаго укрѣпленія, занятаго въ то время Турками, и 21-го, при атакѣ нашей позиціи Турками у Чихатскаго моста; но это были не больше какъ схватки, и его стойкому и рѣшительному характеру не пришлось еще развернуться такъ, какъ давно ужъ хотѣлось его русской душѣ. Наконецъ-то представился случай и, къ несчастію, для Гулевича это ужъ былъ послѣдній! Дѣло у Нигоитскихъ высотъ было жаркое и требовало необыкновеннаго присутствія духа и мужества. Гулевичъ доказалъ, что у него въ этихъ двухъ драгоценныхъ качествахъ война не было недостатка.

«Блѣстоцкцы и съ ними Гулевичъ пришли къ намъ часамъ къ шести; переходъ они сдѣлали ночью, тотчасъ-же какъ получено было приказаніе, а на разсвѣтъ мы слышали уже съ нашей позиціи звонкій, турецкій сигнальный выстрѣлъ и пять тысячъ Турокъ подъ начальствомъ Шерифа-бея, направляемыя пашой-Мачавариани, спускались на насъ съ высотъ; въ то же время лазутчики дали знать, что и остальной отрядъ Турокъ, до 12-ти тысячъ, двинулся на насъ цѣлою массою, думая скрытымъ движеніемъ обойти и отрезать намъ отступленіе къ Усть-цхенисцкади. Движеніе его затруднилось едва-проходимую мѣстностью. Думать однакоже было нечего—и начальникъ колонны двинулся съ нами впередъ. На позиціи мы оставили только вышки и тяжести, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Блѣстоцкцевъ. Сотни четыре милиціи засѣли въ завалахъ для прикрытія горной дороги отъ Супсы и, частью, для того, чтобы обеспечить тылъ.

«Наша передовая милиція отступила, отстрѣливаясь отъ появлявшагося по частямъ неприятеля; издали слышались пѣсни и барабанный бой Турокъ. Увѣренные своими благоприятцами, что застанутъ насъ непременно въ располхъ, они думали на Марани позавтракать и отправиться къ Кутаису, гдѣ, можетъ быть, пообѣдаютъ. Губа-то у нихъ, какъ видите, не дура, да зубы еще, видно, не выросли!

«Ровно въ 11 часу мы тронулись; впереди шли Курицы, за ними два горныхъ орудія, потомъ шелъ Гулевичъ съ двумя полевыми, за Гулевичемъ я велъ баталіонъ свой въ колоннѣ къ атакѣ, за мной шли двѣ остальные роты 4-го Блѣстоцкаго баталіона; пѣшая милиція двигалась цѣпью на флангахъ, конная позади.

«Мы шли въ порядкѣ и сохраняя возможную тишину; лѣсъ и сады скрывали наши движенія, затрудняемыя пересѣченной мѣстностью. Черезъ часъ мы пришли къ Ланч-

ху и встрѣтили неприятеля. Мѣсто, гдѣ мы построились, пока милиціонеры мѣнялись съ Турками выстрѣлами, образовывало небольшую поляну посреди лѣса: съ лѣва, версты за полторы, выставились изъ-за деревьевъ Нигоитскія высоты; справа холмистыя возвышенія, покрытыя лѣсомъ и виноградниками, нѣсколько деревянныхъ строеній и каменные ограды; по мѣстамъ сакли жителей, окруженныя ихъ садами. Мѣстность была картинная, но невыгодная для боя; любоваться ею было некогда; да мы вѣдь не для спячянія видовъ стояли въ Гуріи и штыкъ какъ-то былъ узокъ и длиненъ, чтобы играть роль дагерротипной пластинки. Надобно было драться; это лишь и имѣлось у насъ въ виду, а все живописные виды мы на этотъ разъ оставили себѣ на закуску.

«Живо построились мы по данной намъ диспозиціи. Туркамъ, однакоже, было гораздо выгоднѣе: они были прикрыты лѣсомъ; позиція ихъ была немного повыше поляны, которую мы были вынуждены занять; фронтъ защищался глубокою канавою, частымъ кустарникомъ, а по мѣстамъ и плетнями. Въ центрѣ, напротивъ дороги, стоялъ низамъ, передъ нимъ два орудія; флаги терялись въ лѣсу.

«Турки пріятствовали насъ, какъ и слѣдовало ожидать, градомъ картечи и свистомъ пуль. Мы отблагодарили ихъ тѣмъ же. Хладнокровный Гулевичъ блистательно обстрѣлялъ ихъ фронтъ. Осыпавъ градомъ турецкой картечи, майоръ Момбели бросился въ ряды неприятеля съ своими Курицами и ударилъ въ штыки; Турки попятились въ центрѣ, капитанъ Вельяминовъ отбилъ и взялъ у нихъ два орудія. Въ это же время мнѣ было приказано двинуться и атаковать неприятеля справа, гдѣ были большія массы. О себѣ я разсказывать не охотникъ; но солдаты и у меня-таки поработали. Какъ бы то ни было, послѣ упорнаго боя, центръ неприятеля скоро былъ опрокинутъ и Турки бѣжали.

(Продолж. въ слѣд. №1.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

въ Редакціи газеты Кавказъ вновь полученъ:

КАРРИКАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ

Н. Степанова,

Заключающій въ себѣ карикатуры на нѣкоторыя событія современной войны.

Цѣна 4 рубля.

Въ магазинѣ гражданина Юсіфа Бартанова поступилъ въ продажу **ЖУКОВА ТАБАКЪ № 1-й**, и продается фунтъ по 90 коп. серебромъ.

ВЪ МАГАЗИНѢ

Г. ШЕЛЬТЪЕ

вновь получилъ большой выборъ заграничныхъ вещей мужской и дамской обуви, превосходныхъ лѣтнихъ и зимнихъ галстуховъ, разнаго бѣлья, а также всего, что нужно для самаго изящнаго мужскаго и дамскаго туалета. Все это продается тифлисскимъ и иногороднымъ покупателямъ

ПО ВЕСЬМА УМѢРЕННОЙ ЦѢНѢ.

ПРИБЪХАЛИ: іюля 13-го: изъ Новобоязета титулярный совѣтникъ *Гладыревскій*, изъ С.-Петербурга поручикъ *Пиморъ* и прапорщикъ *Ивановъ*, изъ Гурійскаго отряда прапорщикъ *Семеновъ*, изъ сел. Церетли прапорщикъ *Ростомовъ*, изъ Дербента прапорщикъ *Киневичъ*. 14-го: изъ кр. Грозной полковникъ *Есеновъ*, изъ Гори коллежскій ассесоръ *Бастамовъ*. 15-го: изъ Боржома майоръ *Грековъ*, изъ Сигнаха коллежскій ассесоръ *Магаловъ*.

ВЫБЪХАЛИ: іюля 13-го: въ Душетъ штабсъ-капитанъ *Бениславскій* и прапорщикъ князь *Ариемазовъ*. 14-го: на Бѣлый Ключъ майоръ *Учадзе*, въ Москву штабсъ-капитанъ *Шалубатовъ*. 15-го: въ Ахацихъ майоръ князь *Александръ Грузинскій* и статскій совѣтникъ *Юсселиани*, въ Шемаху поручикъ *Кацюевъ*.

Метеорологическія наблюденія.

Мѣсяцъ и числа по старому стилю.	Часы.	Термометръ Р°.		Скорость воздуха.	Барометръ при 13 1/2 Р° Русс. полушн.	Направленіе вѣтра.	Состояніе неба.	Темпер. Реом.	
		Сухой.	Смоч.					Наим.	Наиб.
12-го Іюля.	7 утра.	+ 19,0	+ 15,7	0,67	568,36	СЗ. уявр.	Обл. разс.	+ 16,5	+ 27,4
	1 попол.	+ 27,1	+ 15,8	0,25	566,48	ЮВ. сильн.	Обл. разс. и мгла.		
	9 вечер.	+ 24,2	+ 15,0	0,31	565,67	Тихо.	Обл. разстлн.		
13-го Іюля.	7 утра.	+ 20,2	+ 14,9	0,52	566,89	Тихо.	Обл. разс.	+ 19,0	+ 27,4
	1 попол.	+ 27,2	+ 16,2	0,26	565,61	ЮВ. слаб.	Обл. на гориз.		
	9 вечер.	+ 22,6	+ 15,6	0,43	565,15	Тихо.	Обл. разс.		
14-го Іюля.	7 утра.	+ 20,2	+ 14,4	0,49	565,67	ЮЗ. слаб.	Обл. разс.	+ 17,0	+ 27,2
	1 попол.	+ 27,2	+ 18,0	0,36	565,47	ЮВ. уявр.	Обл. разс.		
	9 вечер.	+ 22,8	+ 16,4	0,47	566,30	Тихо.	Обл. разс.		

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

ТИФЛИСЪ. 16-го Іюля 1855. Цензоръ

А. ЭБЕЛИНГЪ. Въ Типографіи Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Редакторъ **Е. ВЕРДЕРЕВСКІЙ.**